

Игумен Виталий (Уткин И. Н.)

**БОРЬБА ЗА СВЕЧНУЮ МОНОПОЛИЮ
И ЕЕ ЦЕРКОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ 1721–1917 гг.**

Аннотация:

Статья посвящена истории свечной монополии и церковно-свечной операции в России XVIII — нач. XX в. Введение государственной свечной монополии было основано на кардинальном изменении восприятия Русской Церкви государственной властью. Польза Церкви оценивалась через принципы социальной, просвещения и цивилизаторства. Прихожане воспринимались не как субъекты литургического действия, а как источники финансовых средств. Церковно-свечная операция предназначалась для финансирования системы духовного образования в России, основывалась на запрещенном в Священном Писании ссудном проценте. Создание системы свечных заводов привело к их зависимости от немецких монополий. В результате в период Первой мировой войны разрыв экономических связей с Германией вызвал глубокий финансовый кризис всех церковных учреждений.

Ключевые слова: церковные свечи, свечная монополия, церковно-свечная операция, ссудный процент, духовные учебные заведения, епархия, приход, свечной завод, епархиальный съезд, иностранная монополия

Развитие финансово-хозяйственной деятельности Русской Православной Церкви, активное взаимодействие Церкви с обществом и государством делают актуальными теологическое и политэкономическое осмысление процессов, имевших место в прошлом. В частности это касается роли изготовления и продажи свечей в церковной экономике и церковно-государственных отношениях.

В представленной статье впервые в церковном исследовательском дискурсе анализируется борьба вокруг свечной монополии в России в XVIII — нач. XX в., политэкономия так называемой церковно-свечной операции и ее политические последствия.

Драматургия огня имеет особое значение в православном литургическом пространстве. Свет свечей и лампад является составной частью храмового действия как синтеза искусств. Иерей Павел Флоренский обращал особое внимание на то, что золото, являющееся в иконографии символическим выражением горнего мира, воспринимается как «варварское»,

«бессодержательное» при электрическом освещении, но оживает при «волнующемся пламени... лампы или свечи» [31, с. 377]. То есть огонь в храме оказывается средством адекватного раскрытия горнего мира для участников богослужения. Современный исследователь Вс. М. Рожнятовский отмечает персоналистичность восприятия «горнего» в силу «случайности» светового эффекта [26, с. 400–401].

Раскрытие явления Царства Небесного в литургическом пространстве носило такой индивидуальный характер в значительной степени в силу того, что свечи, приносимые в храм верующими, были чрезвычайно разными. Они изготавливались прихожанами самостоятельно или покупались у разных торговцев, которым верующие доверяли. Натуральный воск, переплавленный в горящие за богослужением свечи, являл мистерию света, связывающую воедино храм, иконы, самого богомольца. Свеча становилась выражением синергии природы, человека и «того (*иного*) света», Небесного Иерусалима, который эсхатологически раскрывается за богослужением.

В XV — нач. XVI в. русское монашество в своей хозяйственной деятельности стремилось распространить эту литургическую реальность на экономическое и социальное пространство, оказавшееся в ведении обители. То есть хозяйство, взаимоотношения с крестьянским миром, изначально в раннем «иосифлянстве» понималось как иеротопическое раскрытие на земле Царства Небесного; экономика мыслилась как преобразованная в «вертоград». Обработанная человеком природа как бы вовлекалась в светоносность, а монахи становились «светом миру» [5].

Впрочем, в самом «иосифлянстве» подобный иеротопический идеал достаточно быстро отходит на второй план. Уже в XVI в. преподобный Максим Грек резко критиковал своих русских монашествующих оппонентов из числа «иосифлян», «ненасытное чрево» которых, по его словам, «требует» «богомерзкого» взимания «пагубных ростов» — ссудного процента [11, с. 97].

Как известно, ссудный процент категорически запрещен в Священном Писании: *Не отдавай в рост брату твоему ни серебра, ни хлеба, ни чего-либо другого, что можно отдавать в рост; иноземцу отдавай в рост, а брату твоему не отдавай в рост* (Втор. 23, 19–20).

Забегая вперед, отметим, что на греховном ссудном проценте будет основываться вся российская церковно-свечная операция.

Петровская реформа окончательно перевернула представления о соотношении литургического и хозяйственного пространств. Литургичность больше не воспринималась в качестве источника социальности, экономически преобразуемой природы, иеротопии — становящейся иконы Царства Небесного на земле. Наоборот, теперь сама социальность стала

рассматриваться как единственное оправдание литургичности и церковной жизни вообще. Церковь, богослужение, духовенство и верующие становятся отныне материалом для современного полицейского государства. Эта петровская и постпетровская государственность воспринимала себя в качестве просветителя «темных» народных масс, цивилизатора. Государственная власть видит теперь в Церкви не основу сакральности мира, а совокупность инструментов для цивилизаторства, с одной стороны, и источник материальных средств для обеспечения такого просветительского цивилизаторства, с другой [4].

В послепетровской Российской империи свечная монополия, наряду с податями, становится одним из средств извлечения денег в пользу государства, для решения государственных же задач, которые маркируют и маскируются в качестве якобы церковных.

На протяжении первых семи веков после крещения Руси свечная торговля в русских храмах отсутствовала. Свечи изготавливались прихожанами или приобретались ими на стороне. Указ Петра I «О продаже при церквах восковых свечей старостам церковным, а не посторонним лицам» от 28 февраля 1721 г. [18] коренным образом изменил эту ситуацию.

Указ требовал от Синода, созданного двумя неделями ранее, «учинить всенародное объявление, дабы при каждой церкви един был для продажи свеч приставник» [18, с. 362]. Мотивация была такова: «Понеже мнози бывают при церквах, продающие тыя, с получением не церкви, но себе прибытку» [18, с. 362]. Между тем, «прибыток», конечно же, не должен проходить мимо контроля государственной власти. Хотя бы и через посредство учрежденного ею Синода, он должен «приобщатися» к «церковному имению» [18, с. 362].

Указ предполагалось реализовывать с помощью полицейской власти. Все купцы-частники обязывались продать церковным приходам имеющиеся церковные свечи «за настоящую цену», то есть в реальности речь шла о конфискации с минимальной компенсацией.

В указе в соответствии с западными доктринами «церковные имения» объявлялись «имением нищих», но самым главным и как бы конечным «нищим» было в этой логике само государство.

В чем же власть видела смысл свечной монополии? Предписывалось за ее счет «построить везде при церквах богадельни, пребывания ради ниществующих больных, которых тамо и кормить по препорции каждой церкви доходов» [18, с. 362].

Таким образом, вся церковность должна была стать обслуживающим инструментарием для социальности. Точнее для регулярной организации общества, контроля над людьми, которые оказались вне существующего сословного строя. То есть в глазах власти первичны не сами

«нищенствующие больные», но возможность с помощью богаделен поставить эту очень своеобразную и иррегулярную категорию населения под контроль государства.

Петровский указ остался фактически нереализованным, никакие богадельни построены не были. Однако идея превращения сакрального в инструмент просветительского государства оставалась господствующей на протяжении всего имперского периода.

Последний раз предоставление государством права частным лицам на свободную торговлю церковными свечами мы видим в Таможенном уставе 1755 г. [30, с. 483].

Однако в те же годы, то есть в середине XVIII в., активно развивается система духовного образования. Создается сеть «епарших семинарий», ставших основой русского провинциального образования вообще. Духовное образование становится главным орудием просветительства и цивилизаторства. Оно строилось на рационалистических основаниях, при господстве в обучении латинского языка.

В 1807 г. начинается грандиозная духовно-школьная реформа, результатом которой становится повсеместное создание трехступенчатой системы образования духовенства: уездные училища, епархиальные семинарии и затем — академии.

Итогом духовно-школьной реформы явилось окончательное превращение духовенства в замкнутое сословие в рамках общегосударственной сословной системы. Более того, получивший рациональное, латиноязычное образование священник государственной властью начинает рассматриваться в качестве мелкого чиновника. Он должен был теперь не только бороться с политически нелояльными «расколом и сектантством», собирать многочисленную статистику, но и агитировать крестьян за разведение картофеля, оспопрививание, преподавать «поселянам» наставления начальства о действиях, которые необходимо предпринять «в случае отравления сырой соленой рыбой», и т. д. [4, с. 101–103].

Вся эта инструментальность и должна была финансироваться за счет свечной монополии. Ее главным нормативным документом стал доклад Комиссии духовных училищ «О присвоении церквам исключительного права продажи церковных свеч (т. е. свечей)». 28 августа 1808 г. его утвердил император Александр I, тем самым придав докладу силу закона [17]. В новом законе запрещалась «продажа церковных свечей в розницу и счетом» «во всех лавках и лавочках», на торгах и ярмарках. Торговать такими свечами можно было только «при церквах» [17, с. 552]. Любые свечи для церковного употребления, продаваемые вне храмов, объявлялись «подлогом». Полиция должна была конфисковывать эти свечи в пользу местного прихода, причем на виновников накладывался

штраф размером в две цены таких свечей, поступавший в кассу прихода. Старостам вменялись в обязанности фискальные функции — отслеживать незаконную торговлю свечами и доносить в полицию [17, с. 553–554].

Казалось бы, выгодополучателями стали церковные приходы. На самом деле они оказывались только передаточной инстанцией, изымающей выручку за свечи в пользу государства. Возникает основанная на ссудном проценте так называемая церковно-свечная операция [8]. Такое название было совсем не случайно, так как в основе лежала финансовая схема, прекрасно описанная в названии следующего нормативного акта, синодального указа от 8 июня 1809 г. «Об отсылке свечной церковной денежной суммы в Государственный Заемный банк и Императорские опекунские советы для приращения процентами» [14].

Одной из ключевых задач епархиальных архиереев теперь видится постоянный контроль над движением денежных сумм от продажи свечей. Все эти средства собирались с приходов в епархиях, затем вносились на счет Комиссии духовных училищ, клались в банк, а уже на проценты финансировались духовные учебные заведения. Сложилась, казалось бы, парадоксальная ситуация, когда приходы стали самой низкой структурной единицей выстроенной банковской конструкции.

Следующий синодальный указ «Об отсылке свечных денег в начале года в опекунские советы для приращения процентами» был издан от лица императора 14 ноября 1810 г. [15]. Согласно ему в храмах должен был учитываться весь воск, включая огарки. Запрещено было иметь запас воска на приходе, который превышал бы шестую часть годовой нормы в столицах и треть — в провинции. Обусловлено это было стремлением к максимальному денежному обороту: деньги должны были не аккумулироваться в воске на церковных складах, а приносить проценты в банковских операциях [15, с. 447].

Именно в этот период, первое десятилетие XIX в., в православных храмах появляются привычные нам лавки, а богослужение стало сопровождаться непрерывным звоном мелких монет в связи с покупкой-продажей свечей. Сами свечи сакрально отчуждаются от прихожан, теперь нельзя принести в храм свою свечу, свечи становятся неким внешним явлением, обусловленным волей церковной, то есть в синодальном варианте — волей государственной власти.

Следующий синодальный указ «О свечных церковных доходах» от 28 августа 1820 г. предельно бюрократизировал свечную отчетность, которая легла тяжким грузом на приходское духовенство [19]. Этому процессу сопутствует синодальный указ «О снабжении консисторий новыми формами ведомостей о свечных доходах» [20]. В целях якобы облегчения отчетности указ заставлял священников отчитываться по следующим

пунктам: «Остаток воска и свеч от прошедшего года; количество покупки воска в том году, за который отчет представляется; расход воска и свеч в сем году; показание остатка (или запаса) в последующем году; наличность суммы, вырученной за проданные свечи, высылка для приращения, платеж страховых за пересылку» [20, с. 429].

Естественно, что, несмотря на отчетность, возникали многочисленные злоупотребления, в первую очередь на самом низком уровне этой финансовой пирамиды — на приходах. Например, за определенный период времени в храме тамбовского села Левые Ламки через лавку официально прошло 25 фунтов свечей (11,3 кг). Зато огарков от них было собрано до 5 пудов (80 кг) [8, с. 120]. Понятно, что лишние 70 килограммов огарков как раз и были следствием местных, низовых махинаций.

На протяжении всего XIX столетия бурно развивается местная промышленность, активно входит в жизнь химическое производство. Храмы закупают у производителей свечи с большими добавками парафина и церезина, закупаемых, как правило, в Германии. Такие свечи сильно коптели, летом быстро плавилась [27, с. 148]. Становилось все более и более очевидно, что из Петербурга невозможно контролировать куплю-продажу свечей во всех храмах империи.

Одновременно происходит бурный демографический рост, в том числе в духовном сословии. Далеко не всем сыновьям духовенства хватает теперь «казенно-коштных» (то есть финансируемых за счет централизованного церковного бюджета) мест в семинариях. Назревает необходимость в открытии параллельных классов. Их финансирование могло быть только местным. Кроме того, происходит существенная демократизация управления духовным образованием. В ходе духовно-школьной реформы 1867 г. семинарские правления становятся частично выборными. Для их выборов собираются епархиальные съезды духовенства [28, с. 456]. На протяжении последующего полувека епархиальные, а затем благочиннические съезды станут своеобразной школой внутрицерковной демократии при крайне ограниченной власти часто сменяющихся архиереев. Эти съезды взяли на себя и функции обеспечения финансирования новых «параллельных» семинарских классов, строительства дополнительных зданий.

С одной стороны, явно назревает создание непосредственно на епархиальном уровне собственных финансовых инструментов, подпадающих под контроль духовенства, объединенного в съезды. С другой — государственная власть стремится взять эти финансовые инструменты под свой контроль. Борьба вокруг епархиальных денег станет одним из главных трендов всей последующей эпохи в жизни Греко-Российской Церкви, вплоть до самого большевистского переворота поздней осени 1917 г.

А сами эти деньги могли быть получены, как и ранее, в первую очередь от продажи свечей.

Поэтому на смену отсылке всей суммы свечных доходов в Петербург приходит отчисление четко фиксированного процента с не менее четко фиксированных епархиальных доходов. 21 декабря 1871 г. император Александр II издает указ «О замене свечного сбора процентным с доходов: кружечного, кошелькового и свечного» [16]. Его целью определялось «удовлетворение» «потребностей по учебной части духовного ведомства» [16, с. 614]. Деньги направлялись в адрес Центрального управления Святейшего Синода. Основная часть русских епархий перечисляла наверх 21% доходов, епархии Западного края — 10%. Некоторые епархии, например Якутская, объявлялись «состоящими на особом положении», то есть, как можно понять, от взносов освобождались [16, с. 614].

В этом же указе 1871 г. «для увеличения церковных доходов» духовенству епархий через епархиальные съезды настойчиво предлагалось ходатайствовать перед епархиальным преосвященным об открытии централизованных складов («лавок») и собственных свечных заводов [16, с. 615].

Так началась новая эпоха епархиальных свечных заводов. Централизованные склады, через которые только и можно было теперь закупать свечи, ладан, церковное вино, а затем и заводы стали средством полного контроля над финансово-хозяйственной деятельностью приходов. Стоит обратить внимание на тот факт, что контроль этот осуществлялся даже не столько епархиальным преосвященным, сколько избранными демократическим путем на епархиальных съездах членами правлений заводов. Таким образом, небольшая группа как правило белого духовенства получает в свои руки значительные финансовые инструменты.

Разумеется, степень сменяемости членов этих правлений, семейственность, клановость, интегрированность в светскую финансовую среду, особенно в среду, связанную с германскими монополиями (что будет подробнее изложено ниже), является исследовательской проблемой, которую нужно будет решить в будущем.

Собственные свечные заводы только предстояло построить. Средства для этого можно было взять лишь с приходов и монастырей, из тех «церковных капиталов» в банках, которые накопились к последней четверти XIX в. Привлечение этих средств вызвало бурную отрицательную реакцию духовенства. Она выражалась открыто как на епархиальных съездах, так и в периодической печати, в том числе церковной [13].

Создание централизованных складов также вызывало крайне негативные отзывы. Если раньше церковные старосты могли маневрировать в закупках свечей, ладана и вина между несколькими производителями и поставщиками, теперь они под угрозой штрафов вынуждены были

закупаться только на едином складе [27, с. 149]. В условиях отсутствия конкуренции сразу же были подняты цены. Например, в Воронеже при начале централизованных продаж цены на свечи взлетели на 15% [13, с. 330–332]. В церковной печати подобные действия групп, взявших под контроль склады, епархиальные закупочные комиссии и свечные заводы, именовались напрямую «ростовщицеством» [13, с. 330–332].

Со своей стороны, группы, сформировавшиеся вокруг складов и свечных заводов, вели активную информационную и юридическую борьбу против еще существовавших частных производителей, обвиняя их в недобросовестной конкуренции, что выражалось в наличии большого количества химических примесей в свечах [23, с. 7].

Например, руками Владимирской духовной консистории в 1886–1887 гг. во Владимире велась поистине эпическая борьба против частного торговца И. Н. Блинова, якобы использовавшего церезин при производстве свечей. Местный прокурор встал на сторону частника. Отдельную полемическую книгу посвятил этой борьбе известный владимирский дореволюционный региональный историк и публицист протоиерей Александр Альбицкий [1]. При чтении подобных материалов создается ощущение, что никто в Церкви не задумывался, как в условиях послереформенной гласности печати и судов должно выглядеть в глазах общества открытое отстаивание группами духовенства своих финансовых интересов.

Такая борьба против частных производителей шла не только на уровне епархий. В 1874 г., при начале процесса открытия свечных заводов, Святейший Синод ходатайствовал перед министром финансов о предъявлении частным производителям требования изготавливать свечи только из «чистого пчелиного воска» [23, с. 8].

Такое требование выглядит лоббированием интересов групп, занятых церковным свечным производством, так как из «чистого воска» никто уже к этому времени свечи не изготавливал, иначе они были бы неконкурентоспособны. В 1885 г. Святейший Синод провел ревизию новых свечных заводов, которая показала большой процент искусственных химических добавок в используемых там материалах. Сами заводы объясняли это качеством огарков от свечей, закупленных у частных производителей. Такие огарки приходами на местные свечные заводы сдавались в обязательном порядке [23, с. 12].

Однако уже на следующий год Святейший Синод от лица императора своим указом воспретил приходам и монастырям «ограничивать прием от прихожан пожертвований» только свечами, изготовленными из «чистого пчелиного воска» [1, с. 16]. То есть признавалось, что значительная часть свечей производилась с использованием химических материалов.

С самого своего создания епархиальные заводы попадают в прямую зависимость от немецких производителей парафина, церезина, других химических материалов, которые стали использовать в производстве церковных свечей. В церковной печати проводилась информационная кампания в поддержку сохранения сложившейся системы закупок таких материалов за границей, несмотря на то, что они производились и в России [23, с. 12].

Парафиновые свечи были по преимуществу белыми. Поэтому возникает тема «отбеливания» воска и устанавливается единый для всех русских свечных заводов стандарт свечей. Длина свечи должна была превышать ее ширину по окружности не менее, чем в шесть раз. Сама свеча обязательно должна была быть белой, с красной ниткой светильни [27, с. 148].

В ходе жесткой полемики в печати вокруг так называемого воскового голода Первой мировой войны один из многочисленных церковных публицистов назвал свечные заводы «главной силой епархиальной машины» [12, с. 15]. Предполагалось, что именно существование таких заводов может обеспечить финансирование значительной части епархиальных духовных заведений, а также со временем способствовать повышению материального благосостояния приходского духовенства. Однако реальность существенно отличалась от этих планов.

Санкт-Петербургский свечной завод создавался более двух десятилетий, с 1878 по 1899 г. — за счет средств, заимствованных и так и не возвращенных местным приходом [27, с. 150]. Заводы после своего открытия стали своеобразной черной финансовой дырой. Они не оправдывали вложенных средств. Например, в 1905 г. Уфимский свечной завод при ста тысячах собственного долга отпустил на развитие епархиальных учреждений меньше девяти тысяч рублей [10, с. 604].

Значимой исследовательской проблемой является связь церковно-свечной операции с момента ее возникновения с международным финансовым капиталом. Эта проблема до настоящего времени никак не ставилась в исследовательской литературе.

С переходом на использование в производстве свечей искусственных химических материалов возникает четкая ориентация системы свечных заводов на Германию, ставшую к концу XIX в. новой «мастерской мира», подобной нынешнему Китаю. В итоге 54 русских епархиальных свечных завода с годовым оборотом в 54 млн золотых рублей оказались по сути местными филиалами германской монополии, так называемой Люнебургской воскобелильни, расположенной вблизи Гамбурга. Ее владельцем был В. Берстлинг [27, с. 151].

К 1914 г. русские свечные заводы потребляли 9/10 мировых «восковых» материалов, львиная доля которых импортировалась в Россию через

Гамбург. Русский воск скупался крупными оптовиками, вывозился в Германию, там смешивался с химическими материалами, отбеливался и вновь ввозился в Россию по чрезвычайно завышенным ценам [27, с. 151]. Даже церезин в «воске», импортировавшемся в Россию из Германии, имел на самом деле русское происхождение, был результатом русского химического производства. Его вывозили из России и использовали в Германии для производства «восковых материалов», закупавшихся русскими заводами [9, с. 270].

Сорта так называемого «воска», проходящие через Гамбург, были стандартизированы: «Куба», «Турецкий», «Бенгуэлла» [27, с. 150]. Как видим, ни одного русского названия тут нет. При этом русские заводы, как правило, отказывались от покупки воска у своих, местных, производителей под предлогом его «загрязненности» и непригодности для свечного производства [27, с. 151]. За три десятилетия существования ориентированных на немецкую монополию епархиальных свечных заводов отечественное пчеловодство оказалось чрезвычайно подорванным.

Государственная монополизация и монетизация свечей, начатая Петром I, строившаяся на отчуждении прихожан от персоналистического переживания сакрального света, закономерно привела к полной зависимости от внешней, иностранной финансовой силы. Можно гипотетически утверждать, что перед Первой мировой войной выстроилась коррупционная цепочка, ведущая от епархиальных свечных заводов через всероссийские съезды их представителей и Хозяйственное управление Святейшего Синода к германским монополиям и международным финансовым организациям.

Разрыв экономических связей с Германией в начале Первой мировой войны вызвал жесточайший церковный экономический кризис. Рухнула вся сложившаяся система эксплуатации храмов свечными заводами. При этом сами свечные заводы остались без «воска». Разразилось то, что в печати наименовали «восковым голодом».

Цены на свечи росли всю войну, размеры свечей непрерывно уменьшались [3]. Прихожан призывали экономить свечи [32], но причин кризиса церковному народу не объясняли [2, с. 801]. Заводы требовали сдавать назад в огарках не менее 25% веса отпущенных свечей, то есть в храмах свечи в обязательном порядке снимались с подсвечников недогоревшими на четверть [21, с. 2].

В феврале 1916 г. Святейший Синод утвердил программу пчеловодства для церковно-приходских школ [25]. При школах начинают открываться пасеки [24, с. 159]. Однако было очевидно, что понадобится как минимум одно поколение на восстановление порушенного системой свечных заводов русского пчеловодства.

В результате «воскового голода» храмы лишились доходов. Не стало денег на оплату наемных хоров. В связи с этим в годы Первой мировой войны возникает идея народного литургического пения. Для такого пения разрабатывался репертуар, создавались специальные пособия [7].

Тема зависимости русского свечного производства от немецких поставок активно обсуждалась в печати во время Первой мировой войны. В возникшем кризисе обвиняли «наших батюшек, заведующих свечными заводами» [9, с. 269–270]. Подчеркивалось, что их стяжательность за тридцать лет фактически уничтожила внутренние росписи храмов, что в столицах, что в провинции. Копоть от церезина разрушала внутреннее храмовое убранство [9, с. 270].

То самое литургическое пространство, от которого изначально через монополию и отчуждили церковную свечу, теперь боролось за свое восстановление. Боролось против «наших батюшек», то есть против сложившейся за долгие десятилетия системы внутриепархиальных и общецерковных кланов и групп влияния, связанных общими экономическими интересами.

Однако «наши батюшки» не сдавались. В 1916 г. III Всероссийский съезд представителей епархиальных свечных заводов и Хозяйственное управление Святейшего Синода создали центральный комитет для объединения всех русских свечных заводов [29]. Этот новый священнический ЦК снова централизовал все закупки «восковых материалов», поручил их немцу Штумпфу [6, с. 449–450] и объявил, что поставки будут вестись теперь через Лондон [21, с. 120]. ЦК потребовал начать принудительную конфискацию воска у частных перекупщиков, что, конечно, ударило и по низовым производителям, пчеловодам [22, с. 528].

В таком состоянии русские свечные заводы подошли к событиям революции 1917 г. Значимой исследовательской проблемой, на наш взгляд, является выявление связей между правлениями свечных заводов и теми революционными бюро духовенства, которые возникали в епархиях для свержения архиереев в ходе «епархиальных революций».

Особенно важно выявить те группы статусного местного духовенства, которые фактически руководили как дореволюционными, так и революционными епархиальными съездами, а также изучить экономические связи и интересы данных групп и степень их координации и взаимозависимости на общероссийском уровне. Возможно, такой подход поможет лучше понять характер и ход самих «епархиальных революций».

Впрочем, милостивый Господь покрыл своей любовью церковные немощи, прервал бесконечную гонку «наших батюшек» за экономической выгодой за счет парафина и церезина, очистив свою Церковь гонением. Это очистительное пламя XX в., к сожалению, разрушило и те самые храмы, развивать экономику которых вроде бы надлежало за счет

«церковно-свечной операции», основанной на отвергнутом Священным Писанием ссудном проценте.

Думается, что церковно-свечная операция оказалась разрушительной для Русской Церкви. Прихожане в ней мыслились не как субъекты литургического процесса, но как пассивные источники финансовых средств. Отчуждение церковной свечи привело к зависимости всей системы церковных свечных заводов от иностранных монополий, а затем и к ее неизбежному краху.

Источники и литература:

1. *Альбицкий А., прот.* Дело о незаконной торговле церковными свечами в городе Владимире и решение этого дела в Правительствующем Сенате / протоиерей А. Альбицкий. Владимир, 1895.
2. *Андрей (Ухтомский), еп.* О ценах на церковные свечи / епископ Андрей (Ухтомский) // Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 24 неоф. С. 801.
3. *Вздoroжaниe* церковных свечей // Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 5 неоф. С. 211.
4. *Виталий (Уткин И. Н.), игум.* К характеристике постсекулярности в свете истории российской секуляризации: православное духовенство как инструмент модерна в России XVIII — первой половины XIX века / игумен Виталий (Уткин И. Н.) // Тeтpади пo консерватизму. 2019. № 3. С. 97–110.
5. *Виталий (Уткин И. Н.), игум.* Преподобный Иосиф Волоцкий и Русский путь [Электронный ресурс] / игумен Виталий (Уткин И. Н.) // ИСТИНА. Интеллектуальная Система Тематического Исследования Научометрических данных. URL: <https://istina.msu.ru/smi/event/333669683/show/> (дата обращения: 11.02.2021).
6. *Восковой голод* // Рязанские епархиальные ведомости. 1916. № 10 неоф. С. 448–450.
7. *Жерновков Н., диак.* Организация общенародного церковно-богослужебного пения / диакон Н. Жерновков // Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 8 неоф. С. 280–286; № 9 неоф. С. 329–334; № 10 неоф. С. 374–379; № 11 неоф. С. 409–413; № 12–13. С. 476–480; № 16 неоф. С. 632–637.
8. *Иконников, С. А.* Церковно-свечная операция и создание свечных заводов в епархиях Центрального Черноземья в конце XIX века: к истории вопроса / С. А. Иконников // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4 (48). С. 117–124.
9. *К недостатку воска* // Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 6–7 неоф. С. 269–270.
10. *Кулясов А., свящ.* Епархиальные съезды за 50 лет (1867–1917 годы) / священник А. Кулясов // Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 15 неоф. С. 513–519; № 16 неоф. С. 537–544; № 17 неоф. С. 574–579; № 18 неоф. С. 599–607.
11. *Максим Грек, преп.* Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе : в 3 ч. Ч. 1. Нравоучительныя сочинения / преподобный Максим Грек. Сергиев Посад, 1910.
12. *Масловский, В. А.* Восковой голод и вопрос о развитии епархиального пчеловодства / В. А. Масловский // Пензенские епархиальные ведомости. 1917. № 1. С. 14–23; № 2. С. 35–45.

13. Наумов, Д. В. Дискуссия православного духовенства по поводу церковно-свечной операции и создания епархиальных свечных заводов в местной периодической печати (по материалам «Воронежских епархиальных ведомостей / Д. В. Наумов // *Via in tempore*. История. Политология. 2020. 47 (2). С. 327–337.
14. Об отсылке свечной церковной денежной суммы в Государственный Заемный банк и Императорские опекунские советы для приращения процентами. 23.694. — Июня 8. Синодский // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXX. С. 1003–1006.
15. Об отсылке свечных денег в начале года в Опекунские советы для приращения процентами. 24.418. — Ноября 14. Синодский // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXXI. С. 446–450.
16. О замене свечного сбора процентным с доходов: кружечного, кошелькового и свечного. 49045. — Декабря 21. Именной, объявленный Сенату Святейшим Синодом 15 января 1871 года // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-е. Т. XLV. Отделение 2. СПб., 1870. С. 614–615.
17. О присвоении церквам исключительного права продажи церковных свеч (свечей). 23.254. — Августа 28. Высочайше утвержденный доклад Комиссии Духовных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXX. С. 551–552.
18. О продаже при церквах восковых свеч (свечей) старостам церковным, а не посторонним лицам. 3746. — Февраля 28. Именной, объявленный из Синода // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. VI. С. 362.
19. О свечных церковных доходах. 28.396. — Августа 28. Синодский // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXXVII. С. 427–428.
20. О снабжении консисторий новыми формами ведомостей о свечных доходах. 28.396. — Августа 28. Синодский // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. XXXVII. С. 428–432.
21. От Комитета Уфимского епархиального свечного завода // Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 4 оф. С. 120–123.
22. От Комитета Уфимского епархиального свечного завода. Протокол от 20 июля 1916 года // Уфимские епархиальные ведомости. 1916. № 16 оф. С. 525–530.
23. По вопросу о злоупотреблениях по выделке и продаже церковных свечей и деревянного масла // Пензенские епархиальные ведомости. 1887. № 15 оф. С. 6–14.
24. Постановление съезда представителей епархиальных свечных заводов // Пензенские епархиальные ведомости. 1916. № 4. С. 156–160.
25. Правила и программы преподавания пчеловодства в церковных школах. Утверждены определением Святейшего Синода от 15–18 февраля 1916 г. // Киевские епархиальные ведомости. 1916. № 17. С. 181–190.
26. *Рожнятовский, Вс. М.* Перформативная иконография. Световые эффекты в пространстве восточнохристианского храма / Вс. М. Рожнятовский // *Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси* / ред.-сост. А. М. Лидов. М., 2011. С. 393–442.
27. *Ропаква, Е. Н.* К вопросу об организации и функционировании епархиальных свечных заводов в России (2-я пол. XIX — нач. XX в.) / Е. Н. Ропаква // *Актуальные вопросы современного богословия и церковной науки. М-лы IX междунар.*

- науч.-богослов. конф., посвященной 100-летию начала мученического и исповеднического подвига Русской Православной Церкви. Санкт-Петербург, 28–29 сентября 2017 г. СПб., 2018. С. 148–153.
28. Смолич, И. К. История Русской Церкви 1700–1917: в 2 ч. / И. К. Смолич. М., 1996. Ч. 1.
 29. Съезд представителей епархиальных свечных заводов // Пензенские епархиальные ведомости. 1916. № 3. С. 113–116.
 30. Таможенный устав. 10.486. — Декабря 1 // Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. XIV. СПб., 1830. С. 462–484.
 31. Флоренский П., свящ. Сочинения: в 4-х т. Т. 2. Храмовое действо как синтез искусств / священник Павел Флоренский. М., 1996. С. 370–382.
 32. Экономьте в свечах церковных! // Рязанские епархиальные ведомости. 1915. № 4 неоф. С. 169–170.

References:

1. Al'bitskii A., prot. [Archpriest]. *Delo o nezakonnoi torgovle tserkovnymi svechami v gorode Vladimire i reshenie etogo dela v Pravitel'stvuiushchem Senate* [The Case of Illegal Church Candles Trading in the City of Vladimir and the Resolving of this Case in the Governing Senate]. Vladimir, 1895.
2. Andrei (Ukhtomskii), ep. [Bishop]. *O tsenakh na tserkovnye svechi* [On the Prices of Church Candles]. Ufimskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ufa Eparchy, 1916, no. 24 unof., p. 801.
3. *Vzdorozhanie tserkovnykh svechei* [The Rise in Price of Church Candles]. Riazanskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ryazan Eparchy, 1915, no. 5 unof., p. 211.
4. Vitalii (Utkin I. N.), igum. [Higumen]. *K kharakteristike postsekuliarnosti v svete istorii rossiiskoi sekularizatsii: pravoslavnoe dukhovenstvo kak instrument moderna v Rossii XVIII — pervoi poloviny XIX veka* [On the Characterization of Post-secularity in the History of Russian Secularization: Orthodox Clergy as a Tool of Modernity in Russia in the 18th — First Half of the 19th Century]. *Tetradi po konservatizmu — Notebooks on Conservatism*, 2019, no. 3, pp. 97–110.
5. Vitalii (Utkin I. N.), igum. [Higumen]. *Prepodobnyi Iosif Volotskii i Russkii put'* [Rev. Joseph of Volotsk and the Russian Way] // ISTINA. *Intellektual'naia Sistema Tematicheskogo Issledovaniia Naukometricheskikh dannykh* [Intelligent System for Thematic Research of Scientometric Data]. Available at: <https://istina.msu.ru/smi/event/333669683/show/> (accessed: 02.11.2021).
6. *Voskovoi golod* [Wax Hunger]. Riazanskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ryazan Eparchy, 1916, no. 10 unof., pp. 448–450.
7. Zhernovkov N., diak. [Deacon]. *Organizatsiia obshchenarodnogo tserkovno-bogosluzhebного peniia* [Organization of Public Church-liturgical Singing]. Riazanskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ryazan Eparchy, 1915, no. 8 unof., pp. 280–286; no. 9 unof., pp. 329–334; no. 10 unof., pp. 374–379; no. 11 unof., pp. 409–413; no. 12–13, pp. 476–480; no. 16 neof., pp. 632–637.
8. Ikonnikov S. A. *Tserkovno-svechnaia operatsiia i sozдание svechnykh zavodov v eparkhiakh Tsentral'nogo Chernozem'ia v kontse XIX veka: k istorii voprosa* [Church-candle Operation and the Creation of Candle Factories in the Dioceses of the Central Chernozem Region at the End of the 19th Century: on the History of the Issue].

- Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta [Scholarly Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University], 2018, no. 4 (48), pp. 117–124.
9. *K nedostatku voska* [To the Lack of Wax]. Riazanskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ryazan Eparchy, 1915, no. 6–7 unof., pp. 269–270.
 10. Kuliasov A., sviashch. [Priest]. *Eparkhial'nye s'ezdy za 50 let (1867–1917 gody)* [Diocesan Conventions for 50 Years (1867–1917)]. Ufimskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ufa Eparchy, 1916, no. 15 unof., pp. 513–519; no. 16 unof., pp. 537–544; no. 17 unof., pp. 574–579; no. 18 unof., pp. 599–607.
 11. Maksim Grek, prep. [Maximus the Greek]. *Sochineniia prepodobnago Maksima Greka v russkom perevode* [The Works of the Monk Maxim the Greek in Russian Translation]. Vol. 1. Nravouchitel'nyia sochineniia [Moral Works]. Sergiev Posad, 1910.
 12. Maslovskii V. A. *Voskovoi golod i vopros o razvitiu eparkhial'nogo pchelovodstva* [Wax Hunger and the Question of the Development of Diocesan Beekeeping]. Penzskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Penza Eparchy, 1917, no. 1, pp. 14–23; no. 2, pp. 35–45.
 13. Naumov D. V. *Diskussiiia pravoslavnogo dukhovenstva po povodu tserkovno-svechnoi operatsii i sozdaniia eparkhial'nykh svechnykh zavodov v mestnoi periodicheskoi pechati (po materialam «Voronezhskikh eparkhial'nykh vedomostei* [Discussion of the Orthodox Clergy about the Church Candle Operation and the Creation of Diocesan Candle Factories in the Local Periodicals (Based on Materials from the Bulletin of Voronezh Eparchy)]. *Via in tempore. Istoriia. Politologiya* [Via in Tempore. History. Political Science], 2020, 47 (2), pp. 327–337.
 14. *Ob otsylke svechnoi tserkovnoi denezhnoi summy v Gosudarstvennyi Zaemnyi bank i Imperatorskie opekunskie sovety dlia prirashcheniia protsentami. 23.694. — Iiunia 8. Sinodskii* [On the Sending of the Church Candle Money to the State Loan Bank and the Imperial Guardianship Councils for Interest Accrual. 23.694. — June 8. Synod]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, 1830, vol. XXX, pp. 1003–1006.
 15. *Ob otsylke svechnykh deneg v nachale goda v Opekunskie sovety dlia prirashcheniia protsentami. 24.418. — Noiabria 14. Sinodskii // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e* [Sending Candle Money at the Beginning of the Year to the Boards of Trustees for a Percentage Increment. 24.418. — November 14. Synod]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, 1830, vol. XXXI, pp. 446–450.
 16. *O zamene svechnogo sbora protsentnym s dokhodov: kruzhechnogo, koshel'kovogo i svechnogo. 49045. — Dekabria 21. Imennoi, ob»iavlennnyi Senatu Sviateishim Sinodom 15 ianvaria 1871 goda* [On the Replacement of the Candlestick Collection with Interest on Income: of the Gruzhechny, Purse and Candle Income. 49045. — December 21. Named, Announced to the Senate by the Holy Synod on January 15, 1871]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 2-e*. [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 2]. St. Petersburg, 1870, vol. XLV, ch. 2, pp. 614–615.
 17. *O prisvoenii tserkvam iskluchitel'nogo prava prodazhi tserkovnykh svech (svechei). 23.254. — Avgusta 28. Vysochaishe utverzhdennyi doklad Komissii Dukhovnykh uchilishch* [On the Assignment to Churches of the Exclusive Right to Sell Church Candles (Candles). 23.254. — August 28. Highest Approved Report of the Commission

- of Theological Schools]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. St. Petersburg, 1830, vol. XXX, pp. 551–552.
18. *O prodazhe pri tserkvakh voskovykh svech (svechei) starostam tserkovnym, a ne pistoronnim litsam. 3746. — Fevralia 28. Imennyi, ob»iavlennyi iz Sinoda* [On the Sale of Wax Candles (Candles) at Churches to Church Elders, and not to Strangers. 3746. — February 28. Nominal, Announced from the Synod]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. St. Petersburg, 1830, vol. VI, p. 362.
 19. *O svechnykh tserkovnykh dokhodakh. 28.396. — Avgusta 28. Sinodskii* [About Candle Church Income. 28.396. — August 28. Synod]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. St. Petersburg, 1830, vol. XXXVII, pp. 427–428.
 20. *O snabzhenii konsistorii novymi formami vedomostei o svechnykh dokhodakh. 28.396. — Avgusta 28. Sinodskii* [On Supplying the Consistories with New Forms of Statements on Candle Income. 28.396. — August 28. Synod]. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1]. St. Petersburg, 1830, vol. XXXVII, pp. 428–432.
 21. *Ot Komiteta Ufimskogo eparkhial'nogo svechnogo zavoda. Protokol ot 20 iuliia 1916 goda* [From the Committee of the Ufa Diocesan Candle Factory]. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ufa Eparchy, 1916, no. 4 of., pp. 120–123.*
 22. *Ot Komiteta Ufimskogo Eparkhial'nogo svechnogo zavoda. Protokol ot 20 iuliia 1916 goda* [From the Committee of the Ufa Diocesan Candle Factory. Protocol of July 20, 1916]. *Ufimskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ufa Eparchy, 1916, no. 16 of., pp. 525–530.*
 23. *Po voprosu o zloupotrebleniakh po vydelke i prodazhe tserkovnykh svechei i dereviannogo masla* [On the Issue of Abuse in the Manufacture and Sale of Church Candles and Wooden Oil]. *Penzskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Penza Eparchy, 1887, no. 15 of., pp. 6–14.*
 24. *Postanovlenie s»ezda predstavitelei eparkhial'nykh svechnykh zavodov* [Resolution of the Congress of Representatives of Diocesan Candle Factories]. *Penzskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Penza Eparchy, 1916, no. 4, pp. 156–160.*
 25. *Pravila i programmy prepodavaniia pchelovodstva v tserkovnykh shkolakh. Utverzhdenny opredeleniem Sviatetskogo Sinoda ot 15–18 fevralia 1916 g.* [Rules and Programs for Teaching Beekeeping in Church Schools. Approved by the Decision of the Holy Synod of February 15–18, 1916]. *Kievskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Kiev Eparchy, 1916, no. 17, pp. 181–190.*
 26. *Rozhniatovski Vs. M., Lidov A. M. (ed.). Performativnaia ikonografiia. Svetovye efekty v prostranstve vostochnokhristianskogo khrama* [Performative Iconography. Light Effects in the Space of an Eastern Christian Temple]. *Prostranstvennye ikony. Performativnoe v Vizantii i Drevnei Rusi* [Spatial Icons. Performative in Byzantium and Ancient Russia]. Moscow, 2011, pp. 393–442.
 27. *Ropakova E. N. K voprosu ob organizatsii i funktsionirovanii eparkhial'nykh svechnykh zavodov v Rossii (2-ia pol. XIX — nach. XX v.)* [On the Organization and Functioning of Diocesan Candle Factories in Russia (2nd Half of the 19th — Early 20th Centuries)]. *Aktual'nye voprosy sovremennogo bogosloviia i tserkovnoi nauki* [Actual Problems

- of Modern Theology and Church Science]: Materials of the IX International Scientific-theologian Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Beginning of the Martyr's and Confessional Feat of the Russian Orthodox Church]. September 28–29, 2017. St. Petersburg, 2018, pp. 148–153.
28. Smolich I. K. *Istoriia Russkoi Tserkvi 1700–1917* [History of the Russian Church 1700–1917]: in 2 parts. Moscow, 1996. Part 1.
29. *S»ezd predstavitelei eparkhial'nykh svechnykh zavodov* [Congress of Representatives of Diocesan Candle Factories]. Penzenskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Penza Eparchy, 1916, no. 3, pp. 113–116.
30. *Tamozhennyi ustav. 10.486. — Dekabria 1* [Customs Charter. 10.486. — December 1]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii (Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dek. 1825 g.) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire (Collection 1-e. From 1649 to 12 December 1825)]. St. Petersburg, 1830, vol. XIV, pp. 462–484.
31. Florensky P., sviashch. [Priest]. *Sochineniia* [Works]: in 4 vols. Vol. 2. *Khramovoe deistvo kak sintez iskusstv* [Temple Action as a Synthesis of Arts]. Moscow, 1996, pp. 370–382.
32. *Ekonom'te v svechakh tserkovnykh!* [Save Money in Church Candles!]. Riazanskie eparkhial'nye vedomosti — Bulletin of Ryazan Eparchy, 1915, no. 4 unof., pp. 169–170.

Igumen [Higumen] Vitalii (Utkin I. N.)

BO'R'BA ZA SVECHNIUII MONOPOLIUI I EE TSERKOVNO-POLITICHESKIE POSLEDSTVIA V ISTORII RUSSKOI TSERKVI 1721–1917 GG. [THE STRUGGLE FOR THE CANDLE MONOPOLY AND ITS CHURCH-POLITICAL CONSEQUENCES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN CHURCH 1721–1917]

Abstract:

The article is devoted to the history of the candle monopoly and the church-candle operation in Russia in the 18th — early 20th century. The implementation of the state candle monopoly was based on a radical change in the perception of the Russian Church by the Government. The benefits of the Church were assessed through the principles of sociality, enlightenment and civilization. The parishioners were perceived not as subjects of liturgical action, but as sources of funds. The church-candle operation was intended to finance the system of spiritual education in Russia, based on the loan interest prohibited in the Holy Scriptures. The creation of a system of candle factories led to their dependence on the German monopolies. As a result, during the First World War, the severance of economic ties with Germany caused a deep financial crisis in all church institutions.

Keywords: church candles, candle monopoly, church candle operation, loan interest, theological educational institutions, diocese, parish, candle factory, diocesan convention, foreign monopoly